

Научная статья
УДК 930 (571.1/.5) "1721/1917"
doi: 10.17223/15617793/513/13

Современная англо- и немецкоязычная историография социокультурного развития Сибири в имперский период

Денис Анатольевич Ананьев¹

¹ Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, denis.ananyev@gmail.com

Аннотация. Анализируются работы современных англо- и немецкоязычных историков (Ст. Штух, Э.-М. Столберг, Э. Фризен и др.), посвященные истории социокультурного развития Сибири в имперский период. Выявлены основные теоретико-методологические подходы, применявшиеся зарубежными авторами; определена проблематика их исследований, в которых рассматриваются вопросы «регионального сознания», «сибирской и этнической идентичности»; выясняется роль различных инструментов социокультурной интеграции Сибири в общеимперское пространство (православные миссии, научные экспедиции, транспортные коммуникации).

Ключевые слова: история Сибири, социокультурные процессы, западная историография, «культурный поворот»

Источник финансирования: статья выполнена по теме госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).

Для цитирования: Ананьев Д.А. Современная англо- и немецкоязычная историография социокультурного развития Сибири в имперский период // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 111–117. doi: 10.17223/15617793/513/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/13

Contemporary English- and German-language historiography of Siberia's sociocultural development in the "imperial period"

Denis A. Anan'ev¹

¹ Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, denis.ananyev@gmail.com

Abstract. The article analyzes works by the contemporary English- and German-language researchers (St. Stuch, E.-M. Stolberg, A. Znamenski, E. Friesen, M. Bassin, F.-B. Schenk, C. Weiss, et al.) focusing on the history of Siberia's sociocultural development during the "imperial period" (18th – early 20th centuries). The author identifies key theoretical and methodological approaches applied by foreign scholars: "frontier", "colonization", "modernization", "imperial", as well as approaches of the "new social and cultural history". It is established that under the influence of the "cultural turn" the emphasis of Siberian studies in Western historiography gradually shifted from the phenomena of "objective reality", from the analysis of mass and typical structures and processes (often using the statistical and mathematical methods) to the study of "subjective reality": "mental worlds", structures of human consciousness, systems of ideas, concepts and symbols; practices and values; mental sets and human behavior patterns. "Cultural and spatial turn" among other things led to mainstreaming of the issues of "imagined geography", "mental maps" and "spatial thinking". English- and German-language researchers also deal with a wide range of issues related to the formation of "regional consciousness", "Siberian and ethnical identities" of the newcomers and indigenous population. They also define the role of various instruments of sociocultural and "mental" integration of Siberia in the imperial space (Orthodox missions, academic expeditions, transport communications). The topic of "mental integration" of Siberia is studied among others by M. Bassin and C. Weiss, who consider "geographical space" of Siberia as an emotionally loaded mental construct and "geo-ideological" concept reflecting the self-perception of the Russian society. It is noted that studies in Siberian history over the last decades have been interdisciplinary in nature as exemplified among others by the works of F.-B. Schenk, S. Frank, and others. Contemporary Western historians using methods and concepts of "historical imagology" pay significant attention to the "images" and "representations" of the Siberian macroregion, to the analysis of relevant myths. It is concluded that, according to the Western historians, the most important factors influencing the features of Siberia's sociocultural development included geographical features of the region, the role of local intellectual elite along with the changes in the government policy.

Keywords: history of Siberia, sociocultural processes, Western historiography, "cultural turn"

Financial support: The study was carried out as part of the state assignment, FWZM-2024-0007.

For citation: Anan'ev, D.A. (2025) Contemporary English- and German-language historiography of Siberia's sociocultural development in the "imperial period". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 111–117. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/13

Актуальность социокультурной проблематики во многом обусловлена общей ситуацией в исторической науке, испытывавшей влияние антропологического поворота. Повышенное внимание историков к проблемам индивидуального и коллективного сознания, к человеческому измерению исторического процесса, в свою очередь, соответствует общим тенденциям развития современной науки, утверждающей «факт имманентной и неустранимой включенности антропологической составляющей в естественнонаучную картину мира» и определяющей феномен сознания как центральную философскую проблему [1. С. 130; 2]. При этом любые результаты «отражения» объективного мира в сознании человека рассматриваются, скорее, как проекция вовне его собственных «образов мира», а познавательная деятельность человека – как производная от языка и «культурных смыслов», и одновременно – как порождение «непрозрачных для рациональной рефлексии базовых структур субъективности» [2].

В рамках такого взгляда на когнитивный процесс термин «культура» получает крайне широкое толкование и включает в себя не только все формы познания, но и память, и все формы поведения, основанные на информации, полученной и фиксируемой не генетически, а через научение, заимствование опыта себе подобных. Соответственно, социальная эволюция рассматривается как составляющая эволюции культуры, ставшей для человека главным и необходимым средством приспособления к естественной среде.

В историко-регионоведческих исследованиях (в том числе сибиреведческих) «культурный поворот» также проявился в постепенном смещении фокуса исследовательского интереса от изучения явлений «объективной реальности», от анализа (в том числе с использованием статистических и математических методов) массовых и типических социальных структур и процессов к изучению «реальности субъективной»: «ментальные миры», структур человеческого сознания, систем идей, понятий и символов; обычаев и ценностей; психических установок и моделей поведения человека. Одним из следствий «культурного и пространственного поворота» стала актуализация проблем «воображаемой географии», «ментальных карт» и «пространственного мышления».

В современном западном сибиреведении (прежде всего в работах англо- и немецкоязычных историков) особое внимание уделяется социокультурным процессам, развивавшимся в Сибири в XVIII – начале XX в., т.е. в течение «имперского» периода, когда закладывались прочные основы российского присутствия на огромных пространствах Северной Азии. Обращение к данной теме во многом вызвано и характерной для последних десятилетий актуализацией регионалистского дискурса, а также ростом регионального самосознания в Сибири. В статье содержится обзор основных англо- и немецкоязычных публикаций, посвященных социокультурным процессам в дореволюционной Сибири;

определяется основная проблематика исследований, оценивается вклад их авторов в разработку темы.

В Германии традиция изучения социокультурного развития дореволюционной Сибири (заложенная в 1960–1980-х гг. в трудах Й. Вахендорфа и В. Фауста) сохраняется в Кёльнском университете, выпускник которого Стефан Штух в ряде новейших публикаций обратился к изучению на сибирском материале проблемы «регионального сознания». Полагая, что в Сибири региональное сознание сформировалось уже к началу XX в. (несмотря на сложный культурно-этнический состав населения, рассредоточенного на огромном пространстве), Ст. Штух назвал в ряду важнейших факторов этого процесса создание системы управления, представители которой рассматривали территории от Урала до Тихоокеанского побережья как единое целое, а также формирование соответствующих ментальных образов Сибири в сознании не только ее жителей, но и населения Европейской России. Наиболее значимым для формирования регионального сознания, по мнению историка, было «дискриминационное сознание», проявившееся в образе Сибири как «колонии» и содержавшее в себе опыт интеллектуальной элиты [3, 4].

Соотечественница Ст. Штуха – немецкая исследовательница Э.-М. Столберг (Штольберг), также затронувшая в своей диссертации тему идентификации и самоидентификации различных групп сибирского населения, в качестве важнейшего фактора, влиявшего на формирование «сибирской идентичности», называет внешние условия «подвижной границы» или «фронта» [5, 6]. В свою очередь, американский историк Ч. Стейнвелл подчеркивает, что критерии идентичности, учитывавшие региональные особенности, влияли на выработку правительственной политики, проводившейся в отношении Сибири. По его мнению, в начале XX в. правящие круги отказались от попыток воспроизвести за Уралом социальную иерархию Европейской России и все чаще ориентировались на такое понимание «национальной/имперской идентичности», которое основывалось на критериях географии, подданства и собственности, нежели на принадлежности к православию и русскому этносу [6].

Влияние (зачастую негативное) пришлого населения на формирование «этнической идентичности аборигенов» рассматривается в работах М. Балцер, Д. Андерсона, А. Знаменского и др. [7–10]. Изучая, прежде всего, особенности ассимиляции и социокультурной адаптации коренного населения, зарубежные авторы отмечают, что указанные процессы могли развиваться и в противоположном направлении, когда русские, перенимая методы выживания в экстремальной среде, полностью воспринимали чужую культуру и переставали отличаться от коренного населения.

Американский историк В. Сандерланд указывает, что в смешанных поселениях пограничных областей русские и нерусские оказывали разностороннее влияние друг на друга, при этом русское влияние не всегда

было сильнее. В некоторых случаях, в противоположность ожиданиям чиновников и интеллектуальной элиты, не столько «иностранцы» подвергались «обрусению», сколько русские «обыкновенчивались». Основываясь на многочисленных свидетельствах современников, В. Сандерланд приводит примеры такой ассимиляции и справедливо замечает, что, хотя данное явление и не стало нормой, «обыкновенчивание» представляло собой такой аспект этнического ландшафта Российской империи, который невозможно игнорировать [11].

В имперский период в Сибири наряду с «управителями» и чиновниками, возглавлявшими местные органы власти, одним из главных «проводников» русской колонизации и русской культуры оставалась **церковь**. Культурному сближению пришлого и коренного населения способствовала прежде всего деятельность православных миссий, итоги которой в западной историографии оценивали, в частности, П. Гаррет, О. Кобцев, Д. Коллинз, С.А. Мусалимас и др. Так, американский исследователь О. Кобцев обосновал выбор темы своего исследования тем, что изучение истории духовных миссий в Сибири должно помочь ответить на вопрос, использовало ли государство церковь в качестве «лаборатории» для выработки политики в отношении коренных народностей Северной Азии и Северной Америки. Историк отверг выводы дореволюционных и советских сибиреведов о слабом влиянии миссий на жизнь коренного населения. В свою очередь, сами миссии были подвержены влиянию различных течений общественной мысли.

По наблюдениям О. Кобцева, в XIX в. свою роль сыграло распространение идей романтизма и национализма [12]. Церковь разделяла присущую идеологам романтизма убежденность в ценности самоопределения; в то же время сторонники «теории официальной народности» стремились обосновать уникальность России, в которой стали видеть единственное православное государство, не утратившее своей независимости. Но империя была многонациональной, и для многих живших в ней народов православие ничего не значило, что делало актуальной задачу христианизации. В XIX в. миссионеры, действовавшие мягко и проявлявшие терпимость, расширили арсенал своих методов: переводили религиозную литературу на языки нехристианских народов (что способствовало развитию письменности у некоторых из них); создавали при миссиях школы, готовившие священников из среды коренного населения [12. Р. 13].

Изучавший историю Алтайской духовной миссии британский историк Д. Коллинз показал возможности применения метода «case study», проанализировав конкретные, частные аспекты деятельности миссии, а также изучив биографии отдельных священников (М. Глухарева, С. Ландышева, В. Вербицкого) и выявив индивидуальные особенности их работы [13]. В отличие от тех, кто говорил о вреде, причиненном христианством культурам аборигенов, Д. Коллинз высоко оценил достижения алтайских миссионеров в культурном развитии края [13. Р. 65]. Полагая, что представление о миссионерстве как орудии европейского империализма было присуще прежде всего марксистской историографии, Д. Коллинз

предпочел поддержать вывод английского историка Дж. Форсайта о том, что начиная с Древнего Рима все империи осознавали свое предназначение в распространении христианства, и, скорее, империализм служил миссиям, нежели наоборот.

Опираясь на работы дореволюционных и советских исследователей, автор уделяет особое внимание деятельности В.И. Вербицкого, в течение трех десятилетий трудившегося над словарем двух алтайских диалектов, а также издавшего ряд материалов, посвященных этнографии алтайских народов и местного русского населения. По выражению Д. Коллинза, если Макарий был «мыслителем, великим стратегом», то В.И. Вербицкий был «верным слугой», но оба были необходимы для успешного решения задач, поставленных перед миссией. Примечательно, что в эпоху, когда научные открытия заставили многих отказаться от религиозных убеждений, оба миссионера использовали научные знания в качестве вспомогательного средства для распространения веры. Их пример также показывает, что далеко не все талантливые люди в России XIX в. рассматривали участие в революционном движении как единственно возможный путь для самореализации [14].

Таким образом, указанные авторы, отмечавшие прочную связь между светскими и церковными властями в Сибири, все же не считали христианское миссионерство орудием европейского колониализма, и, хотя во многих случаях христианизация носила поверхностный и формальный характер, усилия миссионеров, по мнению историков, оставили достаточно глубокий след в культуре аборигенных народов. Вместе с тем оценка итогов деятельности миссий давалась ими прежде всего с позиций представителей русской или европейской цивилизации, носителей христианской системы ценностей.

Иной подход продемонстрировал в своих работах профессор Алабамского университета А. Знаменский, стремившийся не только показать степень воздействия миссий на жизнь и культуру аборигенов, но и взглянуть на христианских проповедников глазами «иностранцев» и «иноверцев» [9, 10, 15]. По словам исследователя, столкновение между шаманизмом и православием в Сибири и на Аляске, в сущности, было проявлением диалога двух миров о сути духовной, политической и идеологической власти. В то же время автор оспорил распространенные утверждения о том, что христианские миссионеры всегда действовали как агенты колониального господства в среде аборигенного населения, а также что сами аборигены сохраняли в «девственной чистоте» свою традиционную племенную культуру, несмотря на продолжавшиеся в течение многих десятилетий контакты с представителями европейской цивилизации.

Анализу взаимоотношений между православным духовенством и русскими переселенцами в Омской епархии в 1885–1917 гг. посвящены работы канадской исследовательницы, профессора Университета Виннипега Эйлин Фризен [16, 17]. Интерес к истории России автор объясняет своим происхождением: ее предки были выходцами из Российской империи, меннонитами, проживавшими на побережье Каспийского моря и Украине.

Объединяя элементы теорий «модернизации» и «фронтара», автор называет приток крестьян – переселенцев в регион одним из наиболее амбициозных мероприятий, инициированных Российским государством. Среди основных мест назначения для переселенцев автор указывает и территорию Омской епархии, образованную в 1895 г. Используя понятие «фронтар», автор понимает под ним пространство культурного взаимодействия между переселенцами, коренным населением и природной средой, которая влияла на развитие институтов и формирование «национального характера». По справедливому замечанию Э. Фризен, в современной историографии «фронтар» – понятие более широкое, чем в работах Ф.Дж. Тернера. Оно включает в себя признание неопределенности и сложности культурных контактов; описывается исследователями не как линия, а как зона, и сопряжено с «временными и пространственными ограничениями». Примечательно, что в работе Э. Фризен освещаются не столько контакты между колонизаторами и колонизируемыми, сколько контакты между различными группами русского населения; показано, как эти контакты заставили русских переосмыслить границы православных общин и значение религиозной веры для их идентичности.

Э. Фризен полагает, что русская колонизация Сибири может быть лучше понята в более широком контексте европейского переселенческого движения XIX–XX вв. Перемещения людей, обусловленные прогрессом транспортных технологий, а также желанием получить землю и новые возможности, способствовали распространению европейской культуры по всему миру – не только за Уралом, но и в Северной и Южной Америке, Южной Африке, Австралии. Российские власти изучали политику и организационную структуру стран, принимавших новых иммигрантов точно так же, как в других странах, по выражению исследовательницы, с тревогой и волнением наблюдали за колонизацией Сибири и упрочением позиций России в Азии.

По заключению Э. Фризен, опыт сибирских переселенцев показал сохранение на рубеже XIX–XX вв. заметных различий, связанных с «локализованными православными практиками», которые оказывали негативное влияние на формирование новых православных общин в условиях «фронтара». Э. Фризен подчеркивает, что принадлежность переселенцев к православной вере не означала автоматически установления прочных связей между ними; напротив, общая идентичность должна была выстраиваться медленно, в процессе взаимодействия. Конфликты, возникавшие как в среде переселенцев, так и между переселенцами и духовенством, все же нельзя интерпретировать как признак «слабости» православия. Они, скорее, свидетельствовали о действительном значении религиозной веры для простых людей, а также о понимании ими их собственных православных практик [16].

В целом, по мнению канадской исследовательницы, процессы модернизации и колонизации в дореволюционной Сибири способствовали религиозному плюрализму, изменению социальных идентичностей, конкуренции между органами власти в деревне, спровоцировали споры о профессионализации церковных кадров,

а также способствовали бюрократизации и стандартизации церковной жизни. Изменения в религиозной жизни России, происходившие после 1905 г., также способствовали активизации и распространению сектантства (в том числе старообрядческих сект). В глазах православного духовенства религиозное обращение символизировало нечто большее, чем просто оставление православной церкви: оно представляло собой отрицание русской культуры и национальности и угрожало главной цели колонизации, которая заключалась в интеграции региона в общеимперское пространство посредством «русификации».

История сибирских старообрядческих общин освещается американским историком Р.О. Крамми, работы которого, по мнению специалистов, наряду с монографиями П. Паскаля и С. Зеньковского, вошли в фонд классических работ по истории старообрядчества [18–20]. В частности, историк обратился к изучению наиболее распространенного за Уралом «часовенного» согласия, сочетавшего в себе элементы «поповской» и «беспоповской» традиций. «Часовенное» согласие зародилось как ответвление от керженских общин, которые располагались вблизи Нижнего Новгорода и, подобно часовенным, принимали беглых священников. Со временем многие старообрядцы все чаще выражали сомнение в моральных качествах и искренности намерений очередных кандидатов в священники. Все большее число часовенных полагало, что наилучший способ сохранения истинного русского православия заключался в том, чтобы обходиться вовсе без духовенства.

К середине XIX в. часовенные сохранили черты «беглопоповщины» лишь в теории, но на практике обходились без священников. Ссылаясь на работы Н.Н. Покровского и Н.Д. Зольниковой [21], Р.О. Крамми отметил, что в действительности образ мыслей и жизни приверженцев данного согласия очень напоминали более радикальные традиции «беспоповцев». За Уралом староверческие общины, не имевшие иерархически организованных структур управления, созывали соборы, на которых решали самый широкий круг вопросов в ходе взаимных консультаций, переговоров и дискуссий. Следуя православной церковной традиции, большинство согласий или направлений старообрядчества обращались к местным соборам за решением вопросов об отправлении служб и треб, об исповедании христианской веры, а также для разрешения споров между верующими. Такие соборы, разумеется, состояли не из епископов, а из руководителей монашеских или мирских общин.

Значительное внимание в современном западном сибиреведении, применяющем методы и понятия «исторической имагологии», уделяется «образам» и «репрезентациям» макрорегиона, анализу связанных с ним «мифов». Так, в диссертации Э.-М. Столберг, соединившей подходы «новой культурной и социальной истории», рассматривается «миф Транссиба» – в контексте социально-экономических процессов, а также геополитических реалий в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже XIX–XX вв. Называя Транссиб ин-

струментом «культурного империализма», призванным «доставить христианскую любовь и просвещение в Азию», немецкая исследовательница подчеркивает, что в конце XIX в. замысел сооружения магистрали приобрел статус «национальной идеи», тесно связанной с задачей колонизации Северной Азии и выраженной в характере мероприятий, которые устраивались в сибирских городах для цесаревича Николая Александровича во время его «восточного путешествия». По определению Э.-М. Столберг, такие празднества символизировали «ритуализацию и иконизацию русской нации на азиатской окраине» [5].

Изменение культурных практик, вызванное развитием транспортных коммуникаций (и, в частности, сооружением Транссибирской магистрали), анализирует немецкий историк Ф.Б. Шенк, соединивший в своем исследовании элементы подходов «новой культурной и социальной истории», «новой имперской истории» и «социологии пространства». Выступая против использования идеально-типической модели «западной модернизации», Ф.Б. Шенк оперирует «более открытым и амбивалентным» понятием «модерна», позволяющим не столько сравнивать Россию и Запад, сколько анализировать признаки той общественной, политической и культурной трансформации России (и Сибири), которая стала результатом появления транспорта на паровом двигателе [22].

Одним из важнейших инструментов социокультурной интеграции Сибири в общеимперское пространство западные исследователи (Дж. Стюарт, Г. Робел, У. Герман, Д. Дальман, В. Хинтцше, К. Вюнтцель-Витт и др.) называют научное изучение вновь присоединенных территорий. Так, в работах британского историка Дж. Стюарта показано многообразие культурно-исторических связей Сибири с другими регионами мира на различных этапах ее освоения и научного изучения [23–25]. В. Хинтцше дал высокую оценку вклада европейских ученых и просветителей в исследование Сибири, развитие ее системы образования в XVIII в. [26]. С точки зрения канадского историка Дж.-Л. Блэка, благодаря деятельности Г.Ф. Миллера в сознании его современников укрепилось представление о Сибири как неотъемлемой составляющей «миссии и судьбы России» [27].

Немецкая исследовательница К. Кюнтцель-Витт отметила огромный вклад Г.Ф. Миллера не только в изучение сибирской истории, но и в распространение знаний о регионе за пределами Российской империи. По ее словам, именно Г.Ф. Миллер отстаивал идею, что приобретение Сибири возвысит Россию до уровня великой державы и поставит на один уровень с Англией и Францией. Важный вывод сделан исследовательницей относительно различий в восприятии русскими и европейцами проблемы присоединения новых земель и их значения для Российской империи. Если в Европе завоевание Сибири с самого начала воспринималось как значительное приобретение, способствовавшее усилению могущества Российского государства, то в самой России отношение к данному вопросу было куда более сдержанным. Для русских это было, скорее, «естественным» продолжением процесса

территориальной экспансии, при том что Западная Сибирь отнюдь не казалась им неведомой, экзотичной землей, а ее ландшафт по большей части представлялся вполне привычным и узнаваемым [28].

Теме «ментальной интеграции» Сибири посвящены работы американского историка М. Бассина, немецких исследовательниц К. Вайсс, С. Франк. В серии публикаций М. Бассина «географическое пространство» Сибири рассматривается как эмоционально нагруженный ментальный конструкт и «геоидеологический» концепт, отражающий самовосприятие российского социума [29–31]. Следуя в русле данного подхода, К. Вайсс показала, что в XIX в. изменению представлений о Сибири и ее «ментальному освоению» во многом способствовала деятельность Русского географического общества. Развитие «сибирского дискурса», связанного с выявлением специфических черт региона, повлияло на поиск путей дальнейшей интеграции Северной Азии в общеимперское пространство, одним из инструментов которой стало строительство Транссиба [32].

В общеевропейском колонизационном контексте освоение Сибири рассматривает сотрудница Университета им. Гумбольдта С.К. Франк. Анализ обширного литературного, историографического, этнографического и культурфилософского материала позволил ей выявить «дискурсивные стратегии», обеспечившие «символическое и функциональное присвоение» русскими огромных пространств за Уралом в период между XVII и XX вв. Следствием такого «присвоения» немецкая исследовательница называет символическое превращение региона из периферийной пограничной территории в неотъемлемую часть российского «квазиимперского пространства, воспринимаемого как единое целое» [33].

В целом в современном западном сибиреведении рассматривается широкий круг проблем, связанных с социокультурным развитием Сибири, в их числе – проблемы самовосприятия сибиряков, формирования «регионального сознания», идентификации и самоидентификации различных групп пришлого и коренного населения (Ст. Штук, Э.-М. Столберг, А. Знаменский, Д. Коллинз и др.); анализируется роль церкви (О. Кобцев, Э. Фризен и др.), научных экспедиций (К. Вайсс), транспортных коммуникаций как инструментов социокультурной и «ментальной» интеграции региона в общеимперское пространство. Учитывая и обобщая опыт советской и российской историографии, англо- и немецкоязычные исследователи сочетают его с применением аналитического инструментария теории «фронтира», «колонизационной» и «модернизационной» парадигм, подходов «новой культурной истории». Исследования последних десятилетий зачастую носят междисциплинарный характер, о чем свидетельствуют, например, работы М. Бассина, Ф.Б. Шенка, С. Франк и др. В ряду важнейших факторов, определивших специфику социокультурного развития доореволюционной Сибири, историки называют географические особенности региона, сложный этнический состав населения, роль местной интеллектуальной элиты, а также изменения в правительственной политике.

Список источников

1. Зайцева Т.И. Зарубежная историография : Историческая наука в XX – начале XXI века. М. : Академия, 2011. 144 с.
2. Мионов В.В., Иванов А.В. Онтология и теория познания. М. : Гардарики, 2005. 447 с.

3. Stuch St. Regionalismus in Sibirien im fruehen 20 Jahrhundert. Koeln, 2003. 353 s.
4. Stuch St. Regionalismus in Sibirien im fruehen 20. Jahrhundert // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas, neue Folge*. 2003. Bd. 51. H. 4. S. 549–563.
5. Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands «Wilder Osten». Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2009. 392 s.
6. Steinwedel Ch. Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917 // Breyfogle N.B. [et al.] (eds.) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York : Routledge, 2007. P. 128–147.
7. Balzer M.M. The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective. Princeton : Princeton University Press, 1999. 326 p.
8. Anderson D.G. Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade. Oxford : University Press, 2000. 270 p.
9. Znamenski A.A. Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. Westport, Connecticut; London : Greenwood press, 1999. 306 p.
10. Znamenski A.A. Shamanism in Siberia: Russian Records of Indigenous Spirituality. Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 2003. 371 p.
11. Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание2 и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет*. М. : Новое изд-во, 2005. С. 199–227.
12. Kobtzeff O. Ruling Siberia: the Imperial Power, the Orthodox Church and the Native People // *Sibirica II*. Lancaster University. 1986. № 2. P. 6–15.
13. Collins D. Colonialism and Siberian Development: a Case Study of the Orthodox Mission to the Altay, 1830–1913 // Wood A., French R. (eds.) *The Development of Siberia: People and Resources*. London : St. Martin's Press, 1984. 266 p.
14. Collins D. The Role of the Orthodox Missionary in the Altai: Archimandrite Makary and V.I. Verbitsky // Hosking G. (ed.) *Church, nation and state in Russia and Ukraine*. London : Palgrave Macmillan, 1991. P. 96–107.
15. Znamenski A.A. The Ethic of Empire on the Siberian Borderland: the Peculiar Case of the «Rock People», 1791–1878 // Breyfogle N.B. [et al.] (eds.) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London ; New York : Routledge, 2007. P. 106–127.
16. Friesen A. Building Orthodox Communities outside Mother Russia: Church and Colonization in Omsk Diocese, 1885–1917 : PhD Diss. Edmonton, Alberta, 2013. 401 p.
17. Friesen A. Colonizing Russia's Promised Land. Orthodoxy and Community on the Siberian Steppe. Toronto : University of Toronto Press, 2020. 240 p.
18. Crumme R.O. The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg community and the Russian State, 1694–1885. Madison : University of Wisconsin Press, 1970. 296 p.
19. Crumme R.O. Old Believers in a Changing World. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2011. 298 p.
20. Гурьянова Н.С. Ред. на кн.: Crumme Robert O. Old Believers in a Changing World. Northern Illinois University Press, 2011. 267 p. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2011. № 4. С. 90–92.
21. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М. : Памятники ист. мысли, 2002. 471 с.
22. Schenk F.B. Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. No. 82). Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2014. 456 s.
23. Stewart J. The British in Siberia: 1581–1978 // *Asian Affairs*. 1979. Vol. 10, Pt. 2. P. 132–143.
24. Stewart J.M. Britain's Siberian Connection // Stewart J., Wood A. (eds.) *Siberia. Two Historical Perspectives*. London : Great Britain-USSR Association, School of Slavonic and East European Studies, 1984. P. 1–6.
25. Stewart J.M. Early Travelers, Explorers and Naturalists in Siberia // *Asian Affairs*. 1984. Vol. 15, № 1. P. 55–64.
26. Hintzsche W. German Scholars and the Exploration of Siberia and Alaska // *Science under Sail: Russian Exploration in the North Pacific, 1728–1867: Cook Inlet Historical Society Symposium (Anchorage, Alaska. October 13–14, 2000)*. Anchorage, 2000.
27. Black J.-L. Opening up Siberia: Russian «Window to the East» // Wood A. (ed.) *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*. London : Rutledge, 1991. P. 57–68.
28. Кюнтцель-Витт К. Сибирь в историографии XVIII-го века // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства : науч. докл. Междунар. науч. конф., 24–26 сентября 2004 г., Иркутск. Иркутск, 2004. С. 124–137.
29. Bassin M. Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century // *American Historical Review*. 1991. Vol. 96. P. 763–794.
30. Bassin M. Imperial Raum / Nationaler Raum: Sibirien auf der kognitiven Landkarte Russlands im 19. Jahrhundert // *Gechichte und Gesellschaft*. 2002. 28. Jahrg. H. 3. S. 378–403.
31. Bassin M. Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century // *American Historical Review*. 1991. Vol. 96. P. 763–794.
32. Weiss C. Wie Sibirien «unser» wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19 Jahrhundert. Goettingen : V & R Unipress, cop., 2007. 261 s.
33. Frank S.K. Imperiale Aneignung: Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur. Paderborn : Wilhelm Fink Verlag; 2012. 448 s.

References

1. Zaytseva, T.I. (2011) *Zarubezhnaya istoriografiya: Istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka* [Foreign Historiography: Historical Science in the 20th – Early 21st Centuries]. Moscow: Akademiya.
2. Mironov, V.V. & Ivanov, A.V. (2005) *Ontologiya i teoriya poznaniya* [Ontology and Theory of Knowledge]. Moscow: Gardariki.
3. Stuch, St. (2003) *Regionalismus in Sibirien im fruehen 20 Jahrhundert* [Regionalism in Siberia in the Early 20th Century]. Koeln.
4. Stuch, St. (2003) Regionalismus in Sibirien im fruehen 20. Jahrhundert. In: *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas, neue Folge*. Bd. 51. H. 4. S. 549–563.
5. Stolberg, E.-M. (2009) *Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jahrhundert*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
6. Steinwedel, Ch. (2007) Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917. In: Breyfogle, N.B. et al. (eds) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York: Routledge. pp. 128–147.
7. Balzer, M.M. (1999) *The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective*. Princeton: Princeton University Press.
8. Anderson, D.G. (2000) *Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade*. Oxford: University Press.
9. Znamenski, A.A. (1999) *Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917*. Westport, Connecticut; London: Greenwood Press.
10. Znamenski, A.A. (2003) *Shamanism in Siberia: Russian Records of Indigenous Spirituality*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
11. Sanderland, V. (2005) Russkiye prevrashchayutsya v yakutov? "Obynorodchivanie" i problemy russkoy natsional'noy identichnosti na Severe Sibiri, 1870–1914 [Are Russians Turning into Yakuts? "Nativization" and Problems of Russian National Identity in the North of Siberia, 1870–1914]. In: *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let* [The Russian Empire in Foreign Historiography. Recent Works]. Moscow: Novoe izd-vo. pp. 199–227.
12. Kobtzeff, O. (1986) Ruling Siberia: the Imperial Power, the Orthodox Church and the Native People. *Sibirica II*. Lancaster University. 2. pp. 6–15.
13. Collins, D. (1984) Colonialism and Siberian Development: a Case Study of the Orthodox Mission to the Altay, 1830–1913. In: Wood, A. & French, R. (eds) *The Development of Siberia: People and Resources*. London: St. Martin's Press. 266 p.

14. Collins, D. (1991) The Role of the Orthodox Missionary in the Altai: Archimandrite Makary and V.I. Verbitsky. In: Hosking, G. (ed.) *Church, nation and state in Russia and Ukraine*. London: Palgrave Macmillan. pp. 96–107.
15. Znamenski, A.A. (2007) The Ethic of Empire on the Siberian Borderland: the Peculiar Case of the "Rock People", 1791–1878. In: Breyfogle, N.B. et al. (eds) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York: Routledge. pp. 106–127.
16. Friesen, A. (2013) *Building Orthodox Communities outside Mother Russia: Church and Colonization in Omsk Diocese, 1885–1917*: PhD Diss. Edmonton, Alberta.
17. Friesen, A. (2020) *Colonizing Russia's Promised Land. Orthodoxy and Community on the Siberian Steppe*. Toronto: University of Toronto Press.
18. Crummey, R.O. (1970) *The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg community and the Russian State, 1694–1885*. Madison: University of Wisconsin Press.
19. Crummey, R.O. (2011) *Old Believers in a Changing World*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
20. Gur'yanova, N.S. (2011) Rets. na kn.: Crummey Robert O. Old Believers in a Changing World. Northern Illinois University Press, 2011. 267 p. [Book review: Crummey Robert O. Old Believers in a Changing World. Northern Illinois University Press, 2011. 267 p.]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 4. pp. 90–92.
21. Pokrovskiy, N.N. & Zol'nikova, N.D. (2002) *Starovery-chasovennye na востоке Rossii v XVIII–XX vv.: Problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniya* [Old Believers-Chasovennye in the East of Russia in the 18th–20th Centuries: Problems of Creativity and Social Consciousness]. Moscow: Pamyatniki ist. mysli.
22. Schenk, F.B. (2014) *Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter*. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. No. 82). Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
23. Stewart, J. (1979) The British in Siberia: 1581–1978. *Asian Affairs*. 10 (Pt. 2). pp. 132–143.
24. Stewart, J.M. (1984) Britain's Siberian Connection. In: Stewart, J. & Wood, A. (eds) *Siberia. Two Historical Perspectives*. London: Great Britain-USSR Association, School of Slavonic and East European Studies. pp. 1–6.
25. Stewart, J.M. (1984) Early Travelers, Explorers and Naturalists in Siberia. *Asian Affairs*. 15 (1). pp. 55–64.
26. Hintzsche, W. (2000) German Scholars and the Exploration of Siberia and Alaska. In: *Science under Sail: Russian Exploration in the North Pacific, 1728–1867: Cook Inlet Historical Society Symposium* (Anchorage, Alaska. October 13–14, 2000). Anchorage.
27. Black, J.-L. (1991) Opening up Siberia: Russian "Window to the East". In: Wood, A. (ed.) *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*. London: Rutledge. pp. 57–68.
28. Künzel-Witt, K. (2004) [Siberia in the Historiography of the 18th Century]. *Sibir: vzglyad izвне i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva* [Siberia: A View from Outside and Inside. The Spiritual Dimension of Space]. Proceedings of the International Conference. Irkutsk. 24–26 September 2004. Irkutsk. pp. 124–137. (In Russian).
29. Bassin, M. (1991) Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century. *American Historical Review*. 96. pp. 763–794.
30. Bassin, M. (2002) Imperial Raum / Nationaler Raum: Sibirien auf der kognitiven Landkarte Russlands im 19. Jahrhundert [Imperial Space / National Space: Siberia on the Cognitive Map of Russia in the 19th Century]. *Geschichte und Gesellschaft*. 28. Jahrg. H. 3. S. 378–403.
31. Bassin, M. (1991) Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century. *American Historical Review*. 96. pp. 763–794.
32. Weiss, C. (2007) *Wie Sibirien "unser" wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19. Jahrhundert* [How Siberia Became "Ours": The Russian Geographical Society and Its Influence on Images and Ideas of Siberia in the 19th Century]. Göttingen: V & R Unipress, cop.
33. Frank, S.K. (2012) *Imperiale Aneignung: Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur*. Paderborn: Wilhelm Fink Verlag.

Информация об авторе:

Ананьев Д.А. – д-р ист. наук, старший научный сотрудник сектора истории второй половины XVI – начала XX в. Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: denis.ananyev@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.A. Anan'ev, Dr. Sci. (History), senior research fellow, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: denis.ananyev@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.08.2024;
одобрена после рецензирования 10.09.2024; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 21.08.2024;
approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 30.04.2025.